

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
МАРКА
ТВЭНА

*Когда сомневаетесь,
говдите правду.*
М. Твен

Юмористические впечатления от однодневной экскурсии на Ниагарский водопад.

- [Марк Твен](#)
 -
-
-

Марк Твен
На Ниагаре

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

МАРКА ТВЭНА

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

АМЕРИКАНСКІЙ ПРЕТЕНДЕНТЪ

РОМАНЪ.

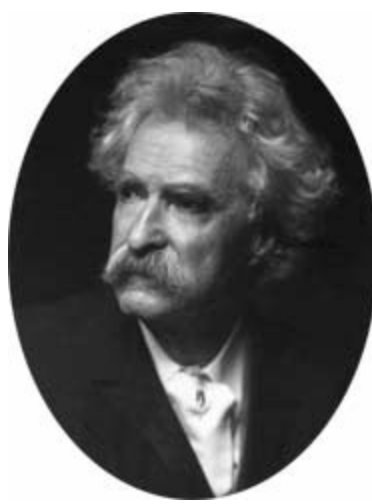
ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія бр. Пантелеевыхъ, Верайская, № 14

1898.

Ниагарский водопад представляет собою очень приятное увеселительное местечко; отели великолепны, цены не особенно безобразны. Во всей окрестности не существует лучших условий для рыбной ловли, — да и где же они могли бы быть хотя приблизительно так хороши? Повсюду в реках имеются одни места получше, другие похуже, а на Ниагаре каждое место одинаково хорошо, как и всякое другое: рыба нигде не ловится, и поэтому можно пройти вдоль по ее берегу 5 миль, не поймав ни одной рыбины, но вполне утешаясь тем, что и вблизи ее результат был бы совершенно тот же самый. Выводы, проистекающие из такого порядка вещей, не были еще до сих пор вполне точно выяснены для публики. Летом погода прохладная; пути для прогулок на суше и по воде весьма интересны и ни мало не утомительны. Решившись осмотреть самый водопад, необходимо сперва проехать около мили вверх по реке; тут же уплачивается небольшая сумма за право посмотреть со склона на самую узкую часть реки. Впрочем, также удобно сделать перевал через гору и по железной дороге, в то время, как река, пенясь и свирепея, несетя под нею. Тут можно взобраться на лестницу в 150 фут. вышины и подойти к самому краю воды. Прodelавши это, вы непременно с удивлением спросите себя, зачем собственно вы это проделали? — но тогда уже будет поздно.

Здесь проводник, приводя ваше сердце в содрогание, расскажет вам, как у него на глазах небольшой пароход «Облачная девственница» попал в страшный водоворот, как сначала у него оторвало одно колесо, потом другое, на каком именно месте полетела у него за борт дымовая труба, как лопнула и разошлась по швам его обшивка и как он, в конце концов все-таки потерпел крушение, совершив, однако, невероятную попытку пройти 17 мил в 6 минут или 6 миль в 17 минут, — этого я достоверно не помню. Так или иначе, но, во всяком случае, это было нечто необычайное. Стоит заплатить деньги уже за одно то, чтобы послушать, как проводник рассказывает различным путешественникам 9 раз подряд эту историю, каждый раз, начиная ее сначала, не пропуская ни одного слова и не изменяя ни одного жеста.

Затем вы переправляетесь через висячий мост, минуя одну из двух ужасных возможностей: или самому слететь в реку 200 фут. глубины или испытать, как на вашу голову слетит железнодорожный поезд. Каждая из этих возможностей, взятая даже в отдельности, представляется не совсем приятной, а обе вместе они производят такое впечатление, что человеку становится совсем не по себе.

На Канадском берегу вы проезжаете близ самого обрыва, между длинным рядом фотографов, которые, дежуря позади своих аппаратов, готовы немедленно воспроизвести полностью вашу бессловесную особу на первом плане картины, для которой уменьшенной и

незаметной перспективой должна служить грандиозная Ниагара; и действительно находится довольно много людей, имеющих невероятную наглость и прирожденное нахальство покровительствовать и даже поощрять этого рода преступления.

Каждый день вы можете видеть в руках этих фотографов статные изображения папы, мамы, с многочисленными ребятишками или пару ваших родственников — земляков, из которых одни молчаливо улыбаются, другие в задумчивых и скучающих позах развалились в своих экипажах, при чем все они, ничто же сумняшеся, разместились впереди урезанного и уменьшенного изображения того величественного существа, для которого радуга служит подножием, которого голос подобен грому и могучее чело которого закутано тучами. Давно уже этот владыка царствовал здесь, — еще со времен мертвой забытой древности, задолго до того, когда эта наемная карета с сидящими в ней маленькими существами появилась здесь как бы в виде заплаты на крохотной прорехе необозримого пространства вселенной, и будет этот владыка царствовать здесь века, миллионы веков, долго-долго после того, как все эти людишки давно уже отойдут к праотцам и, подточенные червями, обратятся в забытый всеми прах. Конечно, существенного ущерба не наносится Ниагаре тем, что, оставляя ее в перспективе картины, эти крохотные существа стараются поместиться впереди ее, еще рельефнее подчеркивая этим собственное сравнительно с нею ничтожество, но, несомненно, требуется достаточная доза сверхчеловеческого самомнения, чтобы позволить себе сделать нечто подобное.

Налюбовавшись пенящейся подковообразною массой воды и при том настолько долго, что вы можете считать свой долг туриста исполненным, вы, возвратившись через новый висячий мост в Америку, следуете берегом вверх по течению до того места, где показывается «ущелье ветров».

Здесь, по примеру проводника, мне пришлось переменить свое платье на непромокаемую куртку и такие же сапоги, — костюм довольно живописный, но не совсем удобный. Вслед за проводником мы стали спускаться по винтовой лестнице, закручивавшейся все больше и больше, пока, наконец, ей это не надоело и она вдруг не прекратилась, прежде чем мы успели испытать какое-либо удовольствие от всего этого путешествия. Мы находились теперь весьма глубоко под склоном, но все еще сравнительно высоко над поверхностью воды. Тут мы начали пробираться по узким мосткам шириною в одну доску, с тонкими деревянными перильцами, за которые я уцепился обеими руками, не потому, конечно, чтобы очень трусил, а просто потому, что мне так хотелось. Спуск становился все круче, мостки все уже, пена американского водопада начала окачивать нас все учащающимися брызгами так, что вскоре мы уже ничего не могли видеть и продолжали спускаться только ощупью. Со стороны водопада заревел бешеный ветер, имевший, казалось, непреклонное намерение смести нас с мостков и перебросить через скалистые выступы в самую глубь реки. Я попробовал объяснить проводнику, что был бы не прочь пойти домой, — но было уже поздно. Почти непосредственно над нами страшная стена воды низвергалась вниз с таким ужасающим шумом, который делал тщетной всякую попытку расслышать человеческое слово. В следующую минуту этот поток скрыл за собою проводника, а за ним последовал и я, оглушенный громом, беспомощно гонимый ветром и бичуемый со всех сторон порывистыми брызгами воды. Кругом царил полный мрак. До тех пор мне ни разу в жизни не приходилось слышать такого страшного шума, стога и рева ветра и водных масс, вступавших в борьбу друг с другом. Я невольно нагнул голову, — и весь Атлантический океан, казалось, низвергся мне на спину. Было очень похоже на то, что весь

земной шар пришел к решению немедленно расползтись по всем швам. Потоки стремились с такой яростью, что я совершенно растерялся. Когда я поднял голову и открыл рот, то мне почудилось, что большая часть Ниагарского водопада немедленно устремилась прямо в мое горло. Откройся теперь во мне где-нибудь течь, — и я погиб. И в этот же самый момент я заметил, что мостки кончились и что встать ногами на твердую почву можно не иначе, как предварительно вскарабкавшись на гладкий крутой выступ скалы. Никогда в жизни я еще не испытывал такого неприятного ощущения. Однако, мы кое-как выбрались оттуда и снова очутились в свету; здесь еще раз можно было полюбоваться низвергающейся массой ревущей, бушующей и пенящейся воды. Оценив всю громадность этой массы и весь ужас ее падения, я еще раз пожалел самого себя, пробиравшегося там — за нею.

Краснокожий был для меня в душе всегда другом и любимцем. Я зачитывался посвященными ему рассказами, преданиями и романами, восхищаясь его прирожденным остроумием, его любовью к дикой свободе лесов, его непреклонным благородным характером, его возвышенной, образной речью, его рыцарской страстью к темнокожей девушке, его живописным костюмом и вооружением, — в особенности этим последним. Поэтому я глубоко был взволнован, заметив в расположенных близ Ниагары лавках искусно унизанные индейскими бусами безделушки и такие фигурки, которые должны были изображать человеческие существа с стрелами и серьгами, продетыми во всех дырках их тела и с ногами, и своей формой очень напоминали наши паштеты. Я понял, что теперь-то, наконец, мне предстоит увидеть лицом к лицу настоящего индейца.

Продавщица в одной из таких лавок объяснила мне, что многочисленные редкости, которыми она торгует, действительно сработаны индейцами, значительное число которых живет близ самого Ниагарского водопада; все они, по словам ее, очень смирные и любезные люди, разговаривать с которыми отнюдь не представляет какой-либо опасности. И действительно, приблизившись к мостику, перекинутому на Лунный островок, я наткнулся на этого благородного сына лесов: сидя под деревом, он старательно приделывал к ридикюлю стеклянные бусы. На нем была широкополая шляпа и деревянные башмаки, а во рту он держал коротенькую черную трубку. Увы, под влиянием нашей изнеженной цивилизации изменяется даже художественность костюма, которая так идет к индейцу, обитающему вдали от нас, в своих родных становищах.

Я обратился к этому Моткалу с следующей приблизительно речью:

— Счастлив-ли Ваву-Вак-Вак-а-Вакс? Вздыхает ли великий татуированный гром по воинственным подвигам, или сердце его размягчилось в мечтах о темнокожей красавице, этой гордости лесов? Жаждет ли могущественный Сахем испить кровь своих врагов, или же он примирился на изготовлении для бледнолицых этих ридикюлей с стеклянными бусами? Отвечай мне, гордый остаток прежнего величия, отвечай мне, почтенная руина!

Руина отвечала:

— Вот как! Меня, Дениса Хулигана, вы осмеливаетесь принимать за паршивого индейца! Ах, вы, гнусавый, тонконогий чертов сын! Клянусь флейтистом, насвистывающим перед Моисеем, — я вас съем!

Я признал за лучшее удалиться.

Несколько шагов далее я наткнулся на целомудренную представительницу местных аборигенов: она сидела на скамейке, разложив вокруг себя изящные безделушки из стекла, раковин и т. п. В ту минуту она была занята приготовлением одного из деревянных вождей племени, который имел сильное фамильное сходство с платяной вешалкой и которому она

зачем-то пробуравливала дырку в нижней части живота. Несколько минут я колебался, а затем обратился к ней с следующими словами:

— Грустит ли душою дева лесов? Чувствует ли себя заброшенным улыбающийся головастик? Скорбит ли дева о родном «костре мира» и о минувшем могуществе своих предков? Или печальная мысль ее блуждает по лесным трущобам, куда удалился на охоту ее отважный возлюбленный? Отчего дочь моя не хочет мне ответить? Или она имеет что-нибудь против чужого бледнолицего человека?

Дочь моя ответила:

— Вот так штука! Как же вы смеее обращаться со мной таким образом? Со мной, Бидди Мелоне! Проваливайте скорей своей дорогой, а не то быть вам, сопливой каналье, в водопаде!

Я удалился и отсюда.

— Черт бы побрал этих индейцев, — раздумывал я сам с собою. — Говорят, что они вежливы, но, если заключать по их поведению со мной, то приходится думать, что эта вежливость чрезвычайно воинственного свойства.

Я сделал еще одну попытку братского с ними общения, — на этот раз уже последнюю. Наткнувшись на целую стоянку индейцев, расположившихся в тени большого дерева и занятых все той же работой из стеклянных бус, я приветствовал их следующими дружественными словами:

«О, благородные краснолицые мужи! Гордые, могущественные Сахемы, предводители, Сквалы и Обермукии — о, Муки! Бледнолицый, от стран заходящего солнца приветствует вас! Ты, благоухающий хорек, ты, глотатель гор, ты, шипящий громовой удар, ты боевой петух с стеклянным глазом, — бледнолицый с той стороны великих вод приветствует вас всех! Война и чума, расстроив ваши ряды, привели к гибели вашей, когда-то гордое племя! Игра в покер и в банк, также, как суетные расходы на мыло, — все, чего не знали ваши славные предки, — опустошили ваши карманы! Грабя при нападениях чужое имущество, вы сами себе причинили тем ряд неприятностей. Не умея правильно объяснить себе собственные поступки, прямо вытекавшие из вашего невежества, вы потеряли доброе имя в глазах бездушного поработителя. Стремление к водке, с целью, напившись допьяна, спать счастливым и перекокошить томагавком членов своей семьи, бесповоротно умалило на вечные времена художественную прелесть вашего костюма! и вот теперь, в блеске 19 столетия, вас третируют как чернь Нью-Йоркских предместий. Стыдитесь! Вспомните своих предков! Вспомните об их великих геройских подвигах! Вспомните Ункогса и «Красную куртку», и Ванбель-дуделоду! Воодушевитесь их великими примерами и соберитесь под мое знамя, — вы, гордые дикари, вы, прославленные разбойники!..»

— К черту! Бей его подлеца!

— Сжечь его!

— Повесить!

— Утопить!

И все разом бросились на меня. Пред глазами замелькали дубины, камни, кулаки, корзины с бусами, — один момент — и все это, казалось, слилось вместе, хотя и чувствовались в отдельности на различных частях моей особы. В следующий момент я уже был в руках разъяренной толпы. Они сорвали с меня одежду, сломали мне руку и ногу, наградили меня ударом в голову, обратившем часть моего черепа в нечто такое, что могло бы быть употребляемо в качестве кофейного блюдечка, а, в конце концов, завершили свое

постыдное поведение тем, что, глумления ради, дабы я промок до костей, бросили меня в Ниагару.

Приблизительно на высоте 80-100 фут. я зацепился жалким остатком моей жилетки за одиноко торчащий выступ скалы, рискуя захлебнуться, прежде чем успею отцепиться. Но в конце концов мне все-таки удалось свалиться оттуда и вслед за сим я очутился в воде у самых истоков водопада, рябые и шумящие массы которого низвергались на несколько дюймов выше моей головы, и, покрытые белой пеной, катились далее.

Разумеется, я попал в водоворот. 44 раза кружился я вместе с ним, догоняя плившую впереди меня щепку; каждое такое круговое путешествие равнялось около полумили, и на каждом из этих туров, я старался ухватиться за один и тот же куст, свесившийся с берега, но, проплывая 44 раза мимо него, каждый раз ошибался на ширину человеческого волоса. Наконец, на берегу показался какой-то человек. Он уселся подле самого куста, сунул в рот трубку и стал зажигать спичку, заслонив ее ладонью от ветра и следя одним глазом за мной, а другим — за спичкой. Но ветер задул ее. Когда я в следующий раз проплывал мимо него, он обратился ко мне с вопросом:

— Послушайте, нет ли у вас спички?

— Да, есть в другом жилетном кармане. Умоляю вас, помогите мне!

— Ни за какие коврижки!

— Извините пожалуйста, — заговорил я, проплывая мимо него в следующий раз, — не осудите невежливое любопытство утопающего и не откажите разъяснить мне ваше странное поведение?

— С удовольствием. Я специалист по излавлению мертвых тел. Впрочем, ради меня вы можете и не торопиться. Я могу и подождать; жаль только, что вот нет у меня спички.

— Перемените места, — предложил я, — я достану вам спичку.

Но он отклонил мое предложение, и этот недостаток доверия с его стороны породил между нами некоторую неприязнь. Я тогда же решил избегать его и, в случае какого-либо со мной несчастья, подогнать катастрофу так, чтобы сделаться клиентом такого же специалиста на американском берегу водопада. Но тут явился местный полицейский, который арестовал меня за то, что я, призывая на помощь, нарушил этим общественную тишину и порядок.

Судья присудил меня к денежному штрафу; но этого я выполнить никак не мог: деньги мои остались в брюках, а брюки мои остались у индейцев.

Таким образом мне удалось избежать смерти. В настоящее время я нахожусь в очень критическом положении. Но и это все-таки хорошо, что я нахожусь хоть в каком-нибудь положении, безразлично, критическом или не критическом. Я весь изломан и разбит, но насколько именно, не могу сказать, так как доктор не успел еще составить полный инвентарь всех моих повреждений. Сегодня вечером он надеется объявить мой подробный бюллетень, а пока полагает, что только 16 из моих повреждений угрожают мне опасностью жизни, а на остальные — я могу не обращать внимания.

Когда я впервые пришел в сознание, я сказал ему:

— Доктор! Однако, это ужасно дикое племя индейцев, занимающихся изготовлением разных безделушек из стеклянных бус, которые продаются на Ниагарском водопаде! Скажите мне, что это за племя, — откуда эти дикари?

— Из Лимерика в Ирландии, сын мой!

